

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

— Современный провинциальный город со своими проблемами. Зима, сугробы, грязь. На стекле такси дворники размазывают жижу. На сцене — королевы, высокий слог, английские лорды. И все это несколько напоминает самодеятельность. Не по уровню пьесы или театра, а человеческую самодеятельность: люди придумывают себе иную жизнь.

— У меня нет такого ощущения. Как перед Христом, все равны — нет ни иудея, ни эллина, ни богатого, ни бедного — так и перед человеческой природой равны все времена. В каком бы времени мы ни существовали — мы одинаковы в переживании главного — любви, ненависти, страха, смерти, одиночества. Пьеса — не об истории, а о людях, чья любовь не удалась. Одна из моих героинь не может найти, другая не способна полюбить. Эти проблемы едины для всех, каждая женщина — английская королева или прачка — переживает их.

— То есть для вас нет порога между проблемами сцены и проблемами гардероба?

— Я думаю, что нет, иначе театр мог бы существовать только в рамках своего времени, страны, сегодняшних реальностей. А нам понятен Шекспир. По-моему, возникновение такого порога — недостаток театра, драматурга, режиссера или актера, но не темы. Тема всегда найдет сопереживание.

— На курсе, который играл «вашу сестру и пленницу...», несколько человек ушли в то, что сегодня именуется бизнесом. Новое и уже типичное явление. И все же кто-то остается: молодые люди идут на полуголодное, нищенское существование в провинциальных театрах, играют пьесы, так непохожие на это существование. Зачем такая пьеса, как ваша, нужна сейчас актерам?

— Все это так. Искусство вообще переживает трудные времена. Впрочем, легких времен никогда и не было, но трудности были иного рода. Свиристельствовала цензура, была полная зависимость от чиновников — от идеологии — и это было плохо. Сейчас появилась другая зависимость, может быть, еще более жесткая — от денег...

Естественное желание освободиться — уход в бизнес — воспринимается напряженно. Мы воспитаны в отстранении от этих проблем, в общем-то естественных для всего мира и для жизни. В нас сидит чистоплюйское отношение к бизнесу, врывающемуся в искусство. А между тем многие устали от нищеты, от состояния вечной материальной безнадежности. Разумеется, существует и тяга к чистому от денег искусству, но людей, готовых поступиться ради него материальным благополучием, пожертвовать синицей в руке ради журавля в небе,

Людмила РАЗУМОВСКАЯ: «Я просто выпадаю из времени»

Имя Разумовской впервые оказалось связанным с Казанью в начале 80-х: высокопоставленная цензурная комиссия во главе с тогдашним обкомовским функционером Ренатом Харисом запретила постановку в Качаловском ее пьесы «Дорогая Елена Сергеевна». С тех пор многое изменилось: цензор оказался поэтом, «запрещенный» драматург — популярным автором, а мальчик, тайно смотревший прогон несостоявшегося качаловского спектакля, — инициатором этой беседы.

Людмила Разумовская, приняв приглашение «Вечерней Казани», приехала на дипломную декаду Казанского театрального училища, на сцене которой шла ее пьеса — «Ваша сестра и пленница...».

ожидает трудный путь. Хотя мне кажется, что когда-нибудь он принесет свои плоды. Во всяком случае, хорошо, что существует такой жесткий выбор. То разделение, которое сейчас происходит, — естественно и нормально...

Зачем эта пьеса актерам? Она дает им повод для максимального выражения своей души и ее багажа. Зритель же устал и не хочет, не может видеть всю современную «порнуху». Если раньше она воспринималась как луч правды, то сейчас просто не воспринимается, человеческий организм переполнен констатацией ужасов. Порог.

— Сейчас вы бы не стали делать «Дорогую Елену Сергеевну»?

— Не знаю. То, что написано, — написано в свое время. Но сегодня это перебор.

— Очевидно, в массовом сознании ваше имя связано с фильмом «Дорогая Елена Сергеевна».

— Мне всегда было немного жалко, что так происходит, имя ассоциируется с пьесой, быть может, наименее интересной из всех. Но так случилось — у каждой пьесы своя судьба, — что именно она завоевала если не всемирную популярность, то что-то близкое к этому. Сейчас идет она на подмостках многих стран и круг этих стран все расширяется и расширяется. Очевидно, в «Елене Сергеевне» есть какой-то эффект, который затро-

нул многих и многих. Сработало точное попадание во время и в проблему — конфликт идеализма и практицизма, нравственной системы и вседозволенности.

Фильм мне не очень нравится. «Елена Сергеевна» — это все-таки пьеса для театра. В ней есть такая театральность, которую Рязанов попытался перевести в плоскость кино и которая здесь выглядит неестественно. Фильм обыватель снизил ее. В театре, при хорошей постановке, получается крупное явление, а в фильме получился частный случай.

— В ваших пьесах есть один момент, который трудно назвать частным случаем. В актерских примерных он проявляется в виде «обиды» за слабость мужских ролей. «Ваша сестра и пленница...», «Дорогая Елена Сергеевна», «Майя» — везде сильная женщина противостоит слабым мужчинам — либо слюнтяям, либо подонкам...

— Это связано с большой, глубинной социальной причиной. Дело в том, что наша советская власть, помимо многого иного вреда, уничтожила мужчину. Мужское начало — это начало ответственности, а то положение, в котором существовал советский мужчина, не давало ему никакой возможности его проявить. Он был существом очень зависимым — от социальной системы, в первую очередь от денег, карьеры, идеологии; и это настолько его измельчи-

ло, что он превратился в некое амебообразное существо. Женщина оказалась сильнее и взяла на себя ответственность. Наверное, в силу того, что любому режиму, любой системе очень сложно влезть в то, что составляет сущность женщины — семью, детей, быт, любовь.

— На спектакле в театральном училище я услышал и прямо противоположное мнение — о том, что ваши пьесы проникнуты духом женоненавистничества.

— Чтобы не обидеть тех, кто так думает, скажу только, что для меня это мнение странно и непонятно. Меня можно во многих грехах обвинить, но уж чего нет, так это женоненавистничества. И вообще «ненавистничества» у меня ни к чему и ни к кому нет. Я хотела раскрыть характер этих женщин, на которых много греха. Мне не хотелось бы чью-то природу ни обелять, ни уничтожать — просто дать ее во всем разнообразии...

— Кого из своих соотечественников вы выделяли бы сегодня?

— Сейчас наступил конец определенной эпохи в театре. Время, к которому отношусь я, как и Петрушевская, Казанцов, Образцов, завершается. В театр, наверное, должны прийти

новые люди: и на сцену, и в драматургию. А если наше поколение будет продолжать писать, то и мы должны измениться.

На сегодняшний день очень трудно назвать драматурга, который бы точно попал в это время. Оно слишком изменчиво, а для того, чтобы писать о какой-то эпохе, она должна устояться, от нее необходимо отстраниться, должен быть какой-то временной зазор.

— Но не получится ли так, что, пока драматурги будут дожидаться зазора, театр забудет о них и уже не востребует?

— Подобные зазоры не впервые появляются. Когда мое поколение выходило на сцену, он тоже существовал — по другим, цензурным причинам. Путь развития театра изначально прерывист. Поэтому, как только появится что-то новое, все зазоры моментально зарастут.

— Новому появиться не просто, так как наше общество во всех своих интеллектуальных проявлениях обращено к прошлому. В сфере искусства выработалась даже особая система интервью — с реминисценциями в сторону тоталитарного режима и иже с ним; и мы тоже отдаем дань этой системе. Если бы вы редактировали нашу беседу — выбросили бы все упоминания об этой теме?

— Да. Все. Это уже не имеет значения. Настолько все всем ясно, что я бы просто об этом не говорила. Это уже прошлое.

— Но вы сказали, что сейчас вам жить и писать неинтересно. А прошлое интересно. Проблемы, создаваемые цензурой, интереснее проблем, создаваемых деньгами.

— Не знаю. Сегодняшний день дает ощущение разрухи, грязи, нечистоплотности, безумия. Когда люди от одного безумия бросаются в другое, от безумия тоталитарной лжи в безумие материальной суесть. А человек сам даже не имеет возможности остановиться, понять происходящее. Мы то думали, что, разрушив систему, люди освободятся и начнется нравственное возрождение. А началось нечто иное: вместо одного беспредела получился другой. И вот в этот беспредел не хочется вникать и разбираться. Неинтересно.

Если раньше я находилась в стороне — по одной причине, то сейчас я просто выпадаю из времени — по другой. Но, как раньше я к этому относилась спокойно, без драматизма и напряжения, так и сейчас.

Беседовал
Артем КАРАПЕТАН.

Фото
Лауры ИЛЬИНОЙ.

P. S. Визит Людмилы Разумовской в Казань финансировал Волжско-Камский акционерный банк (420123, улица Декабристов, 1). Редакция выражает благодарность правлению банка за оперативную поддержку.

